

An impressionistic landscape painting. The scene is dominated by a large, dense bush in the foreground with vibrant red and orange foliage. Behind it, several tall, slender trees with dark trunks and sparse, light-colored leaves stand against a pale, overcast sky. The ground is dark and textured, suggesting a path or a field. The overall style is characterized by visible brushstrokes and a rich, somewhat muted color palette.

ЮЛИЯ САВАГАРИНА

ФЁДОР

Юлия Савагарина

Фёдор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42130253

ISBN 9785449654489

Аннотация

Каждое лето Алёна приезжает в село помогать одной старушке по хозяйству. Но в этот раз к Валентине Ивановне, спустя долгие годы разлуки, приезжает ее единственный сын Фёдор. И если бы он так и остался долговязым подростком, каким его видела Алёна в последний раз, все было гораздо проще. А теперь Алёне приходится уживаться с красивым, умным и обаятельным мужчиной. И как тут устоять?

Содержание

Пролог	5
1	13
2	28
3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Фёдор

Юлия Савагарина

*И в августе зацвел жасмин,
И в сентябре – шиповник,
И ты приснился мне – один,
Всех бед моих виновник.*

© Юлия Савагарина, 2019

ISBN 978-5-4496-5448-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

К Валентине Ивановне Алёна приезжает с восьмого класса.

Просто родители девочки однажды договорились с ней, что их дочь совсем не затруднит помогать ей в селе каждое лето – и старушке легче, и Алёнка развеется. Сельский воздух, были уверены они, придет только на пользу растущему организму.

Родители Алёны были людьми религиозными, воспитанными и очень добрыми.

Однажды, когда девочке было года четыре, молодая семья отправилась за город, чтобы провести выходные на «лоне природы» – инициатором был отец, Константин, невысокий мужчина с густыми черными усами и мягкими карими глазами. Он был приверженцем растительного питания, православной церкви и обожателем природы. Он полагал, что всякому городскому жителю просто необходимо хотя бы раз в месяц выбираться в лес, чтобы вдохнуть поистине чистого воздуха, лишённого токсинов городских улиц.

– Алёнка вообще маленькая, – говаривал он, – ей тем более это крайне обязательно.

Жена его, Наталья, была женщиной покладистой, приземленной и миролюбивой. Что бы ни предлагал ей муж, она всегда старалась принимать без возражений. Всему, что бы

он ни советовал, она старалась следовать. Любовь у них можно сравнить с маленьким котенком – робкая, тихая и теплая.

Сама Наталья, с бесцветными глазами, бледной кожей и вечно опущенными уголками малиновых губ была выше своего мужа на сантиметр точно. Худощавая, слегка сутулая, она носила одежду всегда не по погоде и уж точно не по моде. Вообще она старалась шить все себе сама, но редко получалось хорошо – швея из нее неладная.

Так, Алёна забежала в самую глубь леса, воспользовавшись рассеянностью родителей. Видимо, ее привлек какой-нибудь зверек или бабочка, а может, бурная детская фантазия подтолкнула ее к приключениям – сейчас ни сама Алёна, ни ее родители не сказали бы точно.

В конце концов, девочка потерялась. Но, к счастью, в тот день в лесу находилась не только семья Ушаковых.

Когда девочка уже отчаялась найти дорогу к родителям и приготовилась пролить наполнившие глаза слезы, как вдруг услышала шорох за спиной. Обернувшись, она увидела на дереве мальчика (на вид ему было лет четырнадцать). Он сидел на крупной ветке, держась за могучий ствол одной рукой, а в другой держал старый фотоаппарат.

– Красная шапочка, – улыбнулся он озорно, обнажая шелку между верхними зубами.

На голове у Алёны была красная панамка.

– Откуда ты здесь? – Спросил он.

Девочка вспыхнула, спрятала руки за спину и сказала так

громко, чтобы он услышал там, наверху.

– Я потерялась!

Мальчишка изобразил печаль.

– Но ты здесь не одна?

– Нет. Я потерялась, – пробормотала Алёна, уже досадуя, что призналась ему в этом.

– Понятно, понятно... – Задумчиво отвечал мальчик.

Сквозь листья векового дуба палило жаркое июльское солнце. Своими пронзительными лучами оно ослепляло большие серые глаза девочки, и ей приходилось подставлять руку ко лбу, чтобы получше разглядеть своего собеседника.

– Вы меня не проведете? – Голос Алёны дрогнул из-за кома в горле.

– Куда? – Он продолжал улыбаться.

– К... к... – Она задышала, смаргивая слезы, и никак не могла закончить фразу. – К м-маме и...

– А ты знаешь, где они?

– Нет. Да. То есть... я не знаю, я забыла, не помню.

Он пожал плечами и посмотрел по сторонам.

– Так как же я тебя проведу, Шапочка?

Алёна сняла панамку и принялась теревить ее маленькими ручками. Губы ее задрожали.

– Я... не знаю... – Прошептала она и опустила голову. Ее светло-русые волосы заблестели на солнце, отливая чистым золотом.

– Вот и я не знаю, – безмятежно ответил юноша, вздыхая

и глядя куда-то вдаль, сквозь ветви соседних деревьев.

Девочка уже было разразилась горькими отчаянными слезами, как вдруг услышала голос:

– Это у нас что тут за чудо-юдо такое?

Алёна открыла глаза, увидев на пригорке, поросшим цикорием, женщину небольшого роста с корзиной в руке: лицо у нее уже было увенчано морщинами, из-за чего кожа была похожа на свежее тесто, еще не успевшее отдохнуть под теплой тряпкой – нежное и все усыпанное порами. Волосы были затянуты в тугий пучок, так же, как и талия была обтянута широкой юбкой, испачканной пылью цветов и трав и алым соком ягод.

Алёна молча разглядывала женщину, пока она совсем не приблизилась к ней и не наклонилась, продолжая улыбаться.

– Чего молчишь? Как тебя зовут, зайчонок?

– Ее зовут Красная Шапочка, – раздался голос сверху, который напугал женщину так, что та чуть не вскрикнула бранью.

– Федор! Ну, так я и думала! – Она опустила корзину на землю, а потом пригрозила одним кулаком мальчишке. – Бездельник же ты! Все сидишь на ветках, как обезьяна, да фотографируешь все вокруг.

– Как обезьяна? – Он улыбнулся. – Матушка, разве вы не знаете, что обезьяны водятся совсем в других краях. Я же рассказывал, что...

– А-ну брось эту свою манеру! – И, вспомнив о присутствии Алёны, она вновь обратилась к ней вежливо и даже любовно. – Ну, как тебя зовут?

– Алёна, – пискнула она, учащенно моргая.

– Алёнушка, – она залилась густым смехом. – Ну, откуда ты, рыбка?

– Рыбка, в лесу? – Снова заговорил мальчик. – Мама, рыбы обитают...

– Ух, твое счастье, что я по деревьям не лазаю! Ух, поймала бы, – а ты там не вечно сидеть будешь, – ух, какую взбучку я бы тебе устроила, профессор!

Юноша рассмеялся, а потом сфотографировал разъяренную мать.

– Уверен, когда пленка будет готова, вы будете на фотографиях как никогда прекрасны.

Как и всякая женщина, его мать сразу смягчилась, польщенная лестью сына, и махнула рукой.

– Спускайся, Федя, малютка потерялась, нам надо помочь.

– Зачем? – Он вскинул брови. – Если она откуда-то пришла, значит, способна сама найти дорогу.

Алёна с трудом соображала, о чем они разговаривали. Ее сердце гулко стучало, и единственное, чего она так сильно хотела – вернуться к родителям.

– Ты, деточка, помнишь, откуда пришла? С какой стороны?

Алёна, замешкав, завертела головой из стороны в сторону,

а затем показала неуверенно направо.

– Оттуда?

Алёна кивнула.

– Точно?

И она кивнула снова.

– Ну, сейчас мы тебя отведем. Федор! – Она прижала руки к губам. – А где ж корзина с грибами?

– Где ж, где ж, – он пожал плечами, – за деревом, мама!

Та выдохнула с облегчением, взяла корзину с ягодами, позвала сына снова и взяла Алёну за руку.

– Ну, пойдём, а ты по дорожке о себе расскажешь. Расскажешь?

Алёна все кивала, проникая к этой женщине доверием все больше и больше. Она была добрая, ласковая и веселая, а еще от нее пахло цветами, ягодами и, кажется, корицей. Такой человек точно не может принести ребенку вреда!

Они шли энергичным темпом, а Федор шел не спеша, но не отставая, нес корзину одной рукой, а другой фотографировал, как получалось. Его мать и Алёна без устали болтали и болтали, а он особо и не прислушивался – не интересно даже. А матушка его всегда любила поговорить, но не со всеми и не о всяком.

К закату они все же настигли родителей девочки – перепуганных до смерти. Они благодарили женщину, которая как раз оказалась Валентиной Ивановной, и ее сына за их помощь. Валентина Ивановна все отмахивалась, а Федор же

охотно принимал слова признательности.

С тех пор семья Ушаковых подружилась с семьей Валентины Ивановны – состоящей из нее, бойкого четырнадцатилетнего сына Федора и сельскохозяйственных животных, которых она выращивала и о которых заботилась, как о собственных детях.

Иннокентий и Наталья часто приезжали к ней за молоком и сыром зимой, летом за свежими овощами и фруктами. Они настолько сдружились, что Валентина Ивановна стала им родной.

Когда Алёне исполнилось пятнадцать лет, а Валентине – шестьдесят три, Ушаковыми было решено, что девочка будет приезжать к ней каждое лето помогать с работой. К тому времени Федору исполнилось уже двадцать пять, в посёлке его не было видно пять лет, и Валентине Ивановне физически не хватало поддержки. А так как Ушаковы питали к ней родственные чувства, они не смогли остаться равнодушными.

Так, Алёна была занята каждое лето работой, которая доставляла ей тяготы только поначалу. Постепенно она привыкла к работе на огороде, кормлению скота, общению с простодушными сельскими жителями и даже обзавелась друзьями.

Конечно, это лето, когда Алёна окончила десятый класс, не было исключением – она вновь отправилась к Валентине Ивановне на помощь.

Но именно оно изменило ее жизнь.

1

Первое июля оказалось самым жарким днем в селе *Ш.*

Когда маленькая, цвета мокрого асфальта, «Лада Калина» остановилась на развилке, чтобы свернуть на дорогу в село, Алёна вскинулась с просьбой расстаться с ней здесь. Объяснила она это желанием «прогуляться и встретить старых друзей по дороге». Те, как обычно, не стали возражать и, сердечно распрощавшись с дочерью на целый месяц (а может, и больше, как того захочется самой Алёне), уехали.

Алёна стояла около придорожного магазина-кафе «Жемчужина». Она взглянула на огромную ракушку и заметила, что со временем краска на ней трескается все больше и больше. «Хорошо бы владельцам ее заменить», – подумала она, еще раз взглянула вслед родителям, чья машина уже давно спряталась за горизонтом, и, натянув на спину большой походный рюкзак с вещами, отправилась вглубь села.

Солнце буквально расплавляло кожу Алёны. Казалось, с каждой минутой оно все разрасталось, увеличивая свою смертельную температуру. Неудивительно, что на улицах так тихо, и не слышно даже рева неугомной детворы, которой любая погода нипочем.

Алёна уже досадовала, что проводила родителей: они бы довезли ее до самого дома Валентины Ивановны, и ей бы не пришлось сейчас мучиться от духоты и жажды. И хо-

тя в рюкзаке лежала бутылка воды (которая только с утра была ледяной, но к этому времени, наверняка, накалилась не меньше лавы), Алёна не хотела ее доставать.

Приближаясь к одному знакомому дому, стоявшему на конце главной улицы (и ближе всего к продуктовому), девушка специально замедлила шаг, пытаясь заглянуть сквозь деревянный забор голубого цвета. Наконец, Алёна и вовсе остановилась, затем подбежала к забору, когда заметила в саду босую девушку, наклонившуюся не очень элегантно за клубникой.

– Танька! Таня!

Та вскрикнула от неожиданности и свалилась с ног, раздавив своим телом всю ягоду. Ошарашенно уставившись на Алёну, она долго приходила в себя, прежде чем радостно не заорать в ответ:

– Алёнка! Приехала!

Девочка была с ней одного возраста, однако фигурка ее была пышнее, округлее. Кудрявая шатенка с каре ловко перелезла через забор и обняла подругу так, что у той чуть не переломалось все тело.

– Ура! Наконец-то! Приехала!

Иногда, когда она кричала слишком громко и эмоционально, в ее голосе сквозили грубые нотки, как у обладателя благородного баса. Алёна замечала, что пахло от подруги свежеиспеченным хлебом и корицей, а ладони у нее часто потели, когда та приходила в возбуждение.

– Рада тебя видеть, прямо не могу! – Продолжала восклицать Таня, держа свою стройную подружку за хрупкие плечи. – Ну, и чё ты такая худая? Городская вобла, – а когда она заливалась смехом, часто щурилась так, как будто глаз у нее вообще не было.

– А я тебя, – спокойно, но с улыбкой, отвечала Алёна. Подруги сильно контрастировали, как характерами, так и внешностью, но это не мешало им поддерживать крепкие теплые отношения.

Сама Алёна хоть и не была выше Тани, но в силу стройности казалась изящнее и грациознее. И хотя дело было далеко не в весе, со стороны Таня, злоупотреблявшая маминой косметикой, выглядела на годик старше миниатюрной подруги.

– Пойдем на пруд сегодня? Ой, у нас там теперь можно прыгать с трамплина! Ребята тарзанку сделали еще в мае, вот теперь круто, правда?

И бледное лицо Алёны, еще не тронутое загаром, озарилось улыбкой. Так редко можно было видеть ее смеющейся и особенно болтающей без умолку, подобно ее подруге, так что улыбка на ее лице встречалась с такой же радостью приятелей, как и радуга после затяжного дождя.

В селе у нее не было неприятелей. Были завистники. Но завистники скрытые – на одном конце села ее могли обсуждать две «школьные красотки», извергая желчь, но, едва завидев объект презрения, молниеносно надевали маски обожания и восхищения.

Сама Алёна никогда не претендовала на дружбу с кем-то – люди сами льнули к ней. А она никого и не отталкивала. Девочка была похожа на спокойную реку, мерно текущую своим путем. И за эту «мудренность» (как говорили тут в домах) некоторые ее и обсуждали, покручивая пальцем у виска.

– Мечтательница она, мечтательница.

О да! Мечты, самые смелые, самые великие, самые грандиозные, временами уносили Алёну на своих невидимых, но могучих, крыльях куда-то за пределы зримого человеком неба, туда, где удавалось парить лишь исключительным.

– Ты сейчас к баб Вале?

Валентине Ивановне было уже шестьдесят семь лет. Своего единственного сына она смогла родить только в сорок, а перед этим у нее был выкидыш. Возможно, именно повторной трагедии опасалась женщина, и потому не пыталась снова. Да и как непредсказуема жизнь! Стоит ли вдаваться в подробности? Сейчас Валентина Ивановна счастлива, даже несмотря на то, что ее сын теперь очень далеко от нее – самостоятельный молодой мужчина, владелец собственного бизнеса. Но как она гордилась, как гордилась! У нее единственной получилось вывести из «этого села» такого человека! А то, что она уже несколько лет его не видела – не беда. Она пробудет на этой Земле достаточно, чтобы дожидаться встречи.

– Да, конечно.

– А давай я сейчас переоденусь, а потом мы вместе

на пруд?

Алёна замешкала.

– Вообще-то, я же приехала к Валентине Ивановне...

– Ну, ты пока к ней иди, а я еще собираться буду. Да не волнуйся, она тебя отпустит! Ты тут еще сколько дней пробудешь, успеешь еще наработаться у нее! Давай, давай, ну, пожалуйста, давай!

И она вся запрыгала, захныкала, захлопала в ладони, умоляюще надув губы.

Алёна глубоко вздохнула и сдалась, сказав: «Попробую отпроситься».

Конечно, и сама Алёна знала, что Валентина Ивановна не просто отпустит, а, можно сказать, вытолкнет ее к подруге. Она так сильно привязалась к девочке, что считала ее чуть ли не своей «кровиночкой» (так она ее и называла, когда какая-нибудь навязчивая мысль трогала ее сердце), а потому старалась поддерживать ее во всем.

Больше подруги не болтали, дабы время зря не терять, и Алёна продолжила путь.

По дороге она уже никого не встретила, разве что одну городскую семью, содержащую здесь дачный коттедж.

Заметив около дома Валентины Ивановны красивую белую «Ауди», Алёна чуть не споткнулась. Кто бы это мог приехать к ней? Может, постоянный клиент за овощами или молоком? Но она обычно продавала его по вечерам, сразу по-

сле доения.

Алёна прошла мимо машины, полюбовавшись ей немного, а потом вошла во двор. Дверь в ее отремонтированный дом (благодаря деньгам сына) была открыта, дабы впустить хоть немного свежести внутрь. Хотя, подумала Алёна, сегодня в дом мог войти только жар – никакого воздуха не было вообще.

Девушка осторожно вошла. В коридоре стоял острый запах клубники. Ах, сезонная ягода! Аромат ее теперь окутывал каждый дом в селе! Нет, он дурманил даже тех, кто находился вдали от поселения на несколько километров!

Внутри было прохладнее. Алёна вытерла пот со лба и сделала несколько шагов вперед. Прямо была комната Фёдора, которую, погруженная в вечное ожидание, Валентина Ивановна держит закрытой на ключ; направо – кухня и ванная комната, а налево – гостиная и спальня хозяйки дома.

Алёна прошла на кухню, предполагая, что Валентина Ивановна там. И не ошиблась.

Она что-то энергично готовила. Запах был такой аппетитный, что у девочки невольно заурчало в животе. Когда Валентина обернулась и увидела Алёну, она вскрикнула от радости и со слезами счастья бросилась к ней.

– Девочка моя, солнышко! – Она целовала ее в щеки, голову, лоб и обратно в щеки. Руки у нее, не смотря на старость, по-прежнему были нежные и ласковые. Глаза уже застлала дымка, но видела она все так же зорко и четко.

– Я очень скучала! – Улыбалась Алёна. – А вы уже что-то готовите?

– Да... Ах, Алёна, ко мне сынок приехал, Фёдор! Вот уж я не ожидала, что ко мне в один день приедут оба моих ребёночка!

– Фёдор? – Прошептала Алёна в изумлении. – Да что вы! Его же не было здесь...

– Четыре года, – закрыв глаза, закончила Валентина Ивановна. – Наконец-то у него нашлось свободное время меня повидать. А то вдруг, случится так, что ему нужно будет на другой континент – и когда увидимся? Через четыреста, а не четыре, годков!

Она поспешно усадила Алёну за стол, а сама продолжила хлопотать то над плитой, то над девушкой. Она все спрашивала, как у нее дела в семье, в школе, с друзьями, со здоровьем, что самое главное. На все Алёна отвечала кратко, но не сухо.

– Так... когда же приехал Фёдор?

– Рано утром. Рано-рано. Я только встала корову подоить...

– А сейчас-то он где?

– Пошёл к Теклеевым. – Их дальние родственники, с которыми они поддерживали хорошие отношения; во всяком случае, Фёдор дружил со Степаном, своим двоюродным братом. – Я вот уже во всю готовлю! – И она рассмеялась.

Алёна, держа ажурную скатерть, проямлила:

– Валентина Ивановна, я вот по дороге к вам Таньку встретила...

– Ну-ну? – Она прекрасно знала, о ком та говорит.

– И... она меня на пруд позвала. Можно?

– Сейчас?

– Ну, да... она, правда, еще собирается...

– Ну и ты беги собирайся, – она забрала седую прядь за ухо, – а-то у этой Таньки пропеллер в одном месте, гляди, через секунду уже под окном у меня стоять будет.

Алёна рассмеялась и порхнула к ней, обвивая ее шею и целуя в мягкую морщинистую щеку.

– Спасибо!

– А ты купальник хоть взяла?

– Конечно!

– Ну, забегай в комнату, только прямо от кухни; справа теперь, наконец, Феденька.

– А надолго он? – Подбежав к двери, спросила вдруг Алёна.

– Бог его знает... ну, не на два дня точно, – и она рассмеялась, чувствуя, как слезы подступают к глазам.

Через двадцать минут пришла Таня; на ней были короткие джинсовые шорты и ярко-желтый лифчик от купальника. Своей более чем развитой груди девочка совсем не стеснялась, зато Валентина Ивановна, завидев ее из окна, глубоко вздохнула: «Ну и дойки у девчонки».

Алёна свое купальное одеяние скрыла под белым ситце-

вым платьем в черный горошек: в ней не было столько же самоуверенности, как и в подруге, чтобы идти по селу до самого пруда в таком откровенном виде.

– Купальник же, а не просто лифчик! – Отмахивалась Таня, чего Алёна ну совсем не понимала.

Пока они шли до пункта назначения, Таня в самых пестрых красках рассказывала ей, что интересного случилось в селе за весь год, кто с кем встречался, кто расставался, кто кого побил, кто кого обманул, кто кому чего хорошего сделал (здесь было мало информации) и даже мелкие истории типа: «А еще у нас недавно был субботник и мы всеми улицами высыпали на уборку». И даже о том, какой это лето сулит урожай. Алёна слушала внимательно, с участием, но ни разу не перебивая подругу. Да, собеседником она была идеальным, не поспоришь.

Пруд в *Ш.* был относительно небольшим, но имел два пляжа: один был более чистым и привлекательным для городских жителей, собирающихся здесь после работы или на выходных, чтобы отдохнуть. Второй же и пляжем трудно было назвать: вместо песка глина, а берег обрамлен камышами и властными лягушками, которые ненароком могли запрыгнуть на какого-нибудь пловца. Зато здесь собиралась только молодежь, а потому можно было порезвиться, прыгать с тарзанки, кричать нецензурные слова и включать громкую музыку в колонках отцовского ржавого «Москвича». Словом, красота!

Когда Алёна и Таня пришли на «Газуху» (так они называли эту сторону пруда, из-за огромной газовой трубы, соединяющей два противоположных берега), там уже собрались «все ребята». На часах было три часа дня, а это самое пекло, то есть, лучшее время для купания.

– Ох, Вадим уже там, – заметив это, Таня толкнула подругу в бок.

Вадим – один из самых завидных парней в селе. Правда, никому еще не удалось завоевать сердце такого складного юноши с вьющимися светло-русыми волосами и ослепительной улыбкой. К сожалению многих здесь девочек, сам он предпочитал им всем Алёну. Удивительно, ведь та появлялась в селе только раз в год, а он по-прежнему был ею очарован.

Алёна была если не равнодушна, то скорее снисходительна к Вадиму. Он был совершенно не в ее вкусе, несмотря на его приторную внешность, которая как раз и цепляла ее ровесниц, однако ей льстила его симпатия. Они поддерживали неплохие отношения, которые никогда не выходили за рамки, поставленные Алёной.

В то время, когда подруги подошли к берегу и с Алёной все сердечно здоровались, Вадим стоял на трубе, то есть, на «Газухе», и готовился к прыжку. Заметив Алёну, он расправил плечи, вздернул подбородок, добавляя своему виду еще больше напыщенности. Затем он сделал, в чем он был уверен, безупречный прыжок.

– Сейчас к тебе подойдет, вот точно, – шепнула ей Таня и, хихикая, сняла шорты.

Алёна взволновалась. Это было нормально, ведь они так давно не виделись, и она знала о его чувствах. И о намерениях догадывалась тоже.

Он и в самом деле, выйдя из воды, подошел к ней. Солнечные блики играли на его мокрой коже цвета спелого персика. Он был прекрасен для всех девчонок, но по-прежнему недостаточно хорош для Алёны.

Сам он никогда не понимал, что в нем не так. Ведь он красив! И спортом занимался. Что же ей еще нужно?

Об уме, душе и тонкостях вкуса он никогда не думал.

А это как раз то, что и было важно для Алёны. И это как раз то, что напрочь отсутствовало в нем самом.

– Привет, – улыбаясь черными глазами, сказал он.

Алёна изобразила любезную улыбку, хотя ей вообще хотелось смеяться. «Ах, он считает себя аполлоном! Ну, и пусть! Для меня он бездушный Кент, не более!».

– Привет, Вадим.

– Ты только сегодня приехала?

– Да.

Он уже не знал, как поддержать беседу.

– Прыгнешь с тарзанки? Это намного веселее, чем просто так плавать.

Алёна пожалала плечами, глядя на невысокий холм с ивой, на прочной ветке которой и сделали тарзанку.

– А «газуха»?

– С ума сошел? – Шепотом спросила Алёна, ища глазами Таню: только та уже прыгала с этой самой трубы.

– Вон, Танька зря время не теряет!

Алёна вздохнула. Ей хотелось хорошо провести время, но, если он продолжит навязываться, ничего не выйдет.

– Жду в воде, – он подмигнул, направляясь к берегу.

Она проводила его глазами, чувствуя, как руки начинают трястись от раздражения. Где Таня?!

Подруга как раз подбежала к ней, весело смеясь.

– Вода – парное молоко! Бежим!

– Я еще не сняла платье даже, – проворчала Алёна, прячась за дерево, чтобы раздеться.

– Чего ты там стесняешься?! Вон, глянь-ка на Ангелинку: она-то своего бампера вместо задницы не стесняется!

– Таня!

После того, как Алёна была готова, Таня спросила:

– Нырять будешь? Может, я тебе косу заплету?

Волосы, цвета пшеницы, у девушки были прямые, не слишком густые, но очень длинные – ниже поясицы.

– Да нет, я у Валентины Ивановны в бане голову помою.

– Ну, бежим!

В воде они провели добрые полтора часа. Когда ты счастлив, время пролетает резвой птицей, и ты не замечаешь, как солнце уже не такое испепеляющее, как меняются формами облака и как воздух уже не спирает грудь своим жаром.

Устав купаться, Таня и Алёна забрались на холм, где была тарзанка, и, сев на краю обрыва, стали болтать и наблюдать за остальными. Многие уже ушли, и на пруду осталось совсем немного ребят. Вадим, конечно, был по-прежнему в воде и совсем, казалось, не уставал.

– Как же ты ему нравишься, – с нескрываемой завистью в голосе прошептала Таня и, буравя глазами плавающего Вадима, прикусила губу.

Алёна фыркнула.

– И что? Это должно делать меня особенной? Или счастливой?

– А почему нет? Любая другая все бы отдала за то, чтобы оказаться на твоём месте.

– Да пожалуйста, – она махнула рукой, как бы бросая свой титул в воду.

– Дурочка ты, – с добродушной улыбкой сказала Таня. – Смотри, какой он классный. А ты его уже второй год динамишь.

– Да не нравится он мне. Не в моем вкусе.

– Да как это может быть?!

Алёна, посмотрев на подругу, искренне изумилась. Понять она ее никогда не сможет. Что остается? Рассмеяться!

– И смеется еще, – Таня цокнула языком, доставая из рюкзака яблоки. – Будешь?

– Разве уже яблоки поспели? – Принимая, спросила Алёна.

– Да нет, это магазинные. Ого, смотри-ка!

Таня обратила внимание подруги на двух молодых людей, забравшихся на трубу. Один из них был рыжий и бледный, другой – брюнет и смуглый. Они были высокие, с широкими бугристыми плечами и подтянутыми торсами.

– Погоди, это ж Коля Теклеев! – Показала она на рыжего.

– А рядом кто?

– Наверное, друг какой-то из города приехал. Какой горячий! – И она кокетливо захихикала, подталкивая подругу.

Но Алёна уже не замечала присутствие Тани. Глаза ее были прикованы к брюнету, готовящемуся к прыжку. Он был взрослым мужчиной, и его движения были свободными, настоящими, лишенными всяких вычурностей и напыщенности. Алёне он напоминал величественного Атланта. Она не смогла скрыть улыбку, когда тот красиво прыгнул в воду и проплыл под ней несколько метров к ожидающему его другу.

– Ой, смотри-ка, Вадим сейчас прыгать будет! Какой он, все-таки, классный.

Но Алёна и не шелохнулась. Как замороженная, она следила за этим загадочным брюнетом, так ловко плавающим в пруду. Нет, думала Алёна, ему нужно покорять моря, океаны, ставить рекорды!

Впервые она ощущала что-то подобное, просто наблюдая за мужчиной. Он не был высокомерным юнцом вроде Вадима. Не прилагая никаких усилий, он выделялся на фоне всех

остальных, кто окружал сейчас Алёну.

Но очень скоро два друга скрылись из поля зрения Алёны, решив, видимо, достичь конца пруда. А когда они вернулись, то сразу же вышли на сушу. Тогда Алёна бездумно поддавалась импульсу, вскочила и побежала к «Газухе», поразив Таню так, что у нее отвисла челюсть. Намереваясь привлечь внимание этого черноволосого инопланетянина, она встала на середину трубы, чем вызвала овации всех купающихся (среди которых по-прежнему был, конечно, Вадим). Поглядывая на двух мужчин, которых пруд больше не занимал, она все ждала, когда брюнет обернется.

– Ну, давай, чего боишься! – Кричали в воде и свистели. – Алёнка трусиха!

И тогда он обернулся, взглянув прямо на девушку. Та, потерявшись, поскользнулась и, не так грациозно и красиво, как ей хотелось бы, упала в воду.

Когда она вынырнула, то, первым делом, закашлялась. Разомкнув глаза, она увидела, что мужчины уже уходили.

Ее охватил такой стыд, что единственная мысль, пришедшая ей в голову, была: «Зачем я вообще вынырнула?».

Людей, смеющихся вокруг, она не замечала. Она лишь видела перед собой пронзительный взгляд брюнета и свое неуклюжее падение со стороны.

Как же далека реальность от ожиданий!

И в этом ее прелесть.

2

В общей сложности на пруду Алёна пробыла два часа. После своей неудачной попытки показаться незнакомцу эффектной, ей больше не хотелось даже у берега стоять. Угрюмая, обозленная на себя и скользкую трубу, она просидела двадцать минут под ивой, дабы обсохнуть, но не обгореть на солнце, а потом собраться и уйти.

Домой они шли небольшой компанией: пару девчонок, несколько парней и Алёна с Таней. Парни, конечно, шли впереди и распевали веселые песни, иногда нецензурные.

– Сегодня в клубе дискотека, – сказала Таня, – пойдешь? Алёна замялась.

– Тань, не знаю. Ну я же не только отдыхать сюда приехала. Я же должна Валентине Ивановне помогать...

– Так ведь уже вечер практически. Ты думаешь, она до ночи на огороде копается, чего ей там помогать? Ну, посуду помоешь, полы, пока она там корову подоит. Ну, не знаю, делов-то?

Одолеваемая противоречивыми чувствами, Алёна кусала губы и обдумывала правильное решение. Конечно, ей бы хотелось потанцевать немного...

– Валентина Ивановна добрая, – продолжала Таня мягко надавливать на совесть подруги, – она поймет. Она, вообще-то, современная довольно-таки. Поймет, что тебе погу-

лять хочется, с друзьями повеселиться. Ну? Идем?

Алёна шла, смотря сквозь обнаженные, уже обсохшие, спины идущих впереди ребят. Вадим то и дело украдкой оборачивался, надеясь поймать взгляд девушки, и не сдерживал триумфальной ухмылки, когда все же ловил цель. И пусть он не понимал, что взгляд ее был стеклянным, смотрящим в собственные думы, а не испепеляющим его тело, его тщеславию было удовлетворено.

– Ну что? Зайду я за тобой в девять?

Алёна глубоко вздохнула.

– погоди, – уклонилась она, – надо же с Валентиной Ивановной поговорить.

– Да пустит она! Ну все, я зайду. Будь готова. Ой, – и она, уже предвкушая веселую ночь, затанцевала в движении, – туда все придут, все! Ну, как обычно. Хотя, нет, ведь ты приехала, и этот раз получается как раз не обычным.

Таня, как уже понятно, любила тараторить. Не говорить, не болтать, а именно тараторить. Порой, без интонаций, пауз, перебивая и других, и саму себя. И не из бесцеремонности, а просто потому, что сама не могла угнаться за собственными мыслями и языком. Вот такая Таня-болтушка, как ее многие называли.

Когда Алёна пришла домой, Валентина Ивановна поливала цветы на своем переднем дворе. Увидев девушку, она, конечно, улыбнулась.

– Ну, наплавалась, русалочка?

Алёна подбежала к ней, выхватывая железную лейку.

– Ох, дайте, она же тяжелая!

– Тьфу, у тебя что, солнечный удар? – Она поставила лейку на землю, вытаращив глаза на Алёну.

Губы у девушки задрожали.

– Простите, я же вам помогать приехала, я же, я...

– Да у тебя никак горячка, – она взяла ее лицо в ладони, потрогала лоб, слегка оттопырила веки, вглядываясь в зрачки. – Я же тебя не рабыней нанимала, Алёнка!

– Меня... меня... Танька в клуб позвала. На дискотеку.

Она цокнула языком.

– И ты из-за этого переживаешь? Ну что я, развалилась без тебя? Нет. Сейчас польем вместе все, ужин сготовим да иди ты куда хочешь. Право, панику тут развела. Ох, Алёнка, ох...

Алёна улыбнулась. Она так растрогалась добротой и пониманием своей чуть ли не родной бабушки (хотя выглядела Валентина Ивановна, несомненно, намного моложе и крепче своего фактического возраста), что слезы навернулись на ее глаза.

– А где же ваш сын? Где Фёдор?

– Ой, да тот совсем недавно пришел домой. Я его покормила, он, вроде как, был дома. Но, может, сейчас на огород вышел. Или в овраг спустился, за гусями следит, пока те купаются. А что?

– Просто... боялась, что вы здесь...

– Что, померла? – Она рассмеялась. – Да не бойся, не дрожи. Ох, да ты, поди, голодная как собака. На воде жрать охота, конечно. Пойдем, пойдем, я такого борща наварила, ложку проглотишь.

Алёна была так сильно увлечена, что и вовсе перестала замечать голод. Есть ей хотелось ужасно, и она едва ли не обогнала Валентину Ивановну на пути в дом.

Она усадила ее за стол (сразу после того, как Алёна вымыла руки), налила ей добрую порцию подогретого на плите борща и, все приговаривая: «Кушай, дитё, кушай», засуетилась на кухне. Успокоившись, она села рядом с Алёной и спросила: «Ну как, вкусно?». Та, почти не жуя, продолжала есть и довольно кивать.

– Ой, а хлеб-то! Хлеб!

Она метнулась к шкафу, достала оттуда буханку свежего черного хлеба и поставила рядом с тарелкой девушки. В доме Валентины Ивановны не было принято пользоваться ножом, если дело касалось хлеба. Это была традиция, которую Валентина Ивановна блюла со строгостью.

Алёна любила бросать куски хлеба в борщ. Так она привыкла есть уже с самого детства, и спроси вы, какое у нее самое любимое блюдо на свете – борщ с хлебом!

– Вкусно? – Все не унималась старушка. – Мясо, мясо кушай! А то худющая, как скелет.

Посидев немного, она встала.

– Я пойду поливать дальше. Ты, как покушаешь, переоде-

вайся и выходи на огород. Если добавки захочешь – кастрюля на плите, мясо в другой кастрюле. Хлеба, правда, больше нет, завтра в пекарне утром свежий будет.

И только она собралась уходить, как в дверях раздался голос:

– Это у нас кто здесь?

– Ох, Федя! Федя, так это ж Алёнка!

Алёна подняла голову от тарелки, оторопело смотря на мужчину, стоящего перед ней.

На того самого мужчину, который очаровал ее на пруду.

И вот он стоял перед ней, сложив руки на груди и опершись о дверной косяк, и улыбался своими сапфировыми глазами.

– Красная шапочка? – И теперь улыбнулись его вишневые губы.

Но Алёна, глядя на него, сейчас видела перед собой себя: разомлевшую, с набитыми, как у прожорливого хомяка, щеками и испачканным ртом. Больше всего на свете ей захотелось провалиться сквозь землю, и чтобы никто и никогда ее не видел.

– Ах, вы же сколько лет-то не видались! – Воскликнула Валентина Ивановна, приложив ладони к щекам. – И оба уже такие взрослые!

– И красивые, – добавил Фёдор вкрадчиво. Мать цокнула языком, но не сдержалась от улыбки.

– Особенно красивые, Федечка, это правда.

Голос у Фёдора как будто бы и не изменился: но стал более глубокий и сильный, хотя он так же разговаривал негромко, почти вкрадчиво; казалось, он совсем не умел кричать. Между тем, речь его всегда была уверенной, спокойной и ровной.

– Ну, вы пообщайтесь хоть, я пойду на огород. Алён, ты помнишь?

Девушка, пряча глаза в тарелку, кивнула.

Валентина Ивановна ушла. Фёдор проводил ее взглядом, а затем молча принялся разглядывать Алёну, у которой, к слову, кусок застрял в горле. Потупившись, она замерла на месте. Руки ее дрожали, лицо пылало, как будто она склонилась над костром. Откуда, с чего, почему такое волнение?!

– Сколько тебе лет теперь, Алёна?

Алёна тяжело сглотнула, по-прежнему не глядя на него.

– Семнадцать.

– А почему не смотришь на меня? Противен?

Он, конечно, и сам отлично знал, насколько абсурдно это звучит.

Так, Алёна совершила над собой поистине геркулесовское усилие посмотреть на него. Если и не в глаза, то хоть на нос можно посмотреть – он, впрочем, недурен. А если и не идеален, то нисколько не портит его внешность.

– А где ж шапочка твоя?

– Дайте доесть, – резко оборвала Алёна.

Он расхохотался.

– Я что, старик? Ну, спасибо, шапочка, вот как, значит,

ты обо мне думаешь.

– Нет, – вырвалось у Алёны, – и... не называйте меня так.

– А ты старшим не приказывай. Кому здесь сто двадцать семь? Не тебе, уж точно.

Из этой шутки она поняла, что ему двадцать семь. Тот самый возраст, когда красота мужчины только начинает расцветать – и так до старости. Ах, какая несправедливость!

Конечно, Фёдор был не глупым человеком. По поведению Алёны было видно, что она еще чуждалась, стеснялась его, и ей просто надо привыкнуть. А пока бессмысленно ее журить – это только обидит ее. А ему этого, в самом деле, хотелось меньше всего.

– Никогда еще не видел, чтобы так ели борщ. Приятного аппетита.

И он вышел из кухни.

Алёна сидела в одиночестве еще десять минут. В голове эхом отражалось: «Приятного аппетита».

Ах, знал бы он, что после этих слов у нее закрутило в желудке!

Около часа Алёна и Валентина Ивановна работали на огороде: поливали, затем пололи. Обе рассказывали друг другу что-то интересное, шутили, смеялись и, в общем-то, наслаждались этим мгновением жизни.

– Знаешь, Алёнушка, – когда они сидели на заднем крыльце ее дома, потные, уставшие и оттого счастливые, заговори-

ла Валентина Ивановна, – как я рада, что Фёдор приехал... Не могу объяснить... ты и не обязана понимать. Просто чувство такое.

– Какое?

Плотно поджав губы, женщина замолчала. Она смотрела на свои грязные ноги, искривленные шишками, и долго облекала мысль в стройное предложение.

– Я не видела его так долго, что не могу уже и счесть. Если скажу сейчас сто лет – получается, солгу. Но именно так и переживается долгая разлука с сыном. Понимаешь? Когда его рядом нет, я слишком уязвима. Я могу запросто насморк подхватить, могу уставать уже в десять часов вечера. Мигрень, ломота в теле. Все это, знаешь ли, зависит от нервов. А какие нервы, когда от тебя часть оторвали и забросили черт знает в какую точку света?

Алёна, внимательно слушая, обдумывала каждое слово Валентины Ивановны. По ее дрожащему голосу, слегка переменившему тон из-за волнения, можно понять, что женщину что-то очень сильно тревожит.

– Но ведь Фёдор приехал, – тихо сказала Алёна, – вы не должны ничего бояться. Радуйтесь.

Она всхлипнула, поднимая глаза на старую могучую яблоню.

– Когда я его еще увижу...

– Да что вы такое... – Речь Алёны оборвалась. Внезапно ей в голову ударила мысль, которую она сама так испугалась,

что не стала озвучивать. – Разве он не придет больше? И почему он так редко гостит у вас?

Она посмотрела на нее раскрасневшимися, но сухими, серыми глазами.

– Ты только не подумай превратно. И не сердись. Ведь он у меня... он у меня большой человек, Алён. Он отдал жизнь своему делу и не жалеет ради него ни времени, ни здоровья, Не забывает меня, звонит, когда время есть...

Валентина помолчала.

– Даже не знаю, как так получилось, что ему удалось вырваться ко мне. Ах, как я хочу, чтобы он побыл тут подольше...

Странное, пока еще неведомое Алёне чувство всколыхнуло ее сердце. Взгляд ее потупился на дощатой ступеньке крыльца, и она задумалась.

Некоторое время Алёна и Валентина Ивановна сидели в молчании, наслаждаясь тишиной и усталостью после труда. Алёна вдыхала запах сырой земли, сладкой клубники свежей травы. За забором то и дело проносился детский веселый крик, рев трактора и редко шум автомобильного мотора.

Алёна чувствовала, с какой теплотой разливается блаженство по всему ее телу. Сознание жизни обуяло ее в эти минуты с такой силой, что существо ее оторвалось от ума и едва не постигло то самое высшее блаженство, о котором говорят просветленные мудрецы. Беспричинная радость – вот

она, цель каждого человека.

Неожиданно над головами сидящих женщин раздался голос:

– Секретничаете?

Алёна инстинктивно вздрогнула от этого голоса.

Каждая отодвинулась слегка в сторону, освободив посередине место для Федора. Сев на ступеньку и положив руки на плечи женщин, он слегка их встряхнул.

– Что-то не веселые секретики у вас.

– Ох, Феденька, ну какие секретики, – Валентина устало улыбнулась.

– Мам, ты в порядке? Перетрудилась, наверное?

– Да что ты, все отлично. А сколько времени?

– Половина девятого, – взглянув на свои мощные часы, ответил Фёдор.

– Ох, мама дорогая! Коровка!

– Сиди-сиди, – мягко надавив на плечо матери, Федор удержал ее на месте и сам поднялся. – Сам встречу твою Бурёнку.

– Марфушу!

– Конечно. – И он ушел. Две пары женских глаз устремились ему вслед, пока совсем не потеряли его из виду.

– Ну вот, хоть одно дельце освободилось. А у тебя когда эта, – как ее? – вечеринка?

– В девять вроде бы. Точно не знаю, – робко ответила Алёна, которая уже совсем позабыла о своих планах на вечер.

Сосредоточенная в большей степени на внутреннем мире и в меньшей степени на внешнем, она редко чувствовала воодушевление от пребывания в шумных компаниях и на мероприятиях, где собиралось большое количество людей. Ее больше прельщало глубокое погружение в саму себя, чем в социум. И особенно она чуждалась всех этих дискотек, вечеринок, тусовок.

Но, с другой стороны, ей хотелось повидаться со старыми знакомыми и некоторыми друзьями. Она знала, что не потеряет время зря, если пойдет, и также не пожалеет, если останется.

– Сходи, тогда, в баньку пока. Пойду затоплю, а ты готовься.

Она спустилась с крыльца, направляясь к бане. Алёна окликнула ее:

– Валентина Ивановна!

– Да?

– Вы вообще ели сегодня?

Она рассмеялась.

– За меня не волнуйся, детка. Мне уже некуда расти. Беги собирайся.

В девять часов пришла Таня и Фёдор с коровой. Однако они не пересеклись.

Валентина Ивановна, питавшая к Тане необъяснимую неприязнь, все же пустила девочку в дом, пока Алёна еще приводила себя в порядок.

– Чай-то будешь? – Сухо спросила она Таню, наложившую на свое округлое личико несколько слоев материнской косметики.

– Ой, не, я так подожду. Баб Валь, а чья это машина около вашего двора?

– Сын ко мне приехал, – буркнула она, все-таки поставив чайник на плиту.

– Федя? Ого! – Тане уже не терпелось разнести эту новость по всему селу. – Он уже, наверное, совсем взрослый?

– Да, повзрослее тебя будет, – вздохнула Валентина Ивановна, стоя к девочке спиной.

– А?

– Ничего.

Через несколько минут в дом вошла Алёна, укутанная в банный халат, румяная и свежая.

– Ой, ну прям заново родилась, – рассмеялась Валентина Ивановна. Она с облегчением выдохнула: наконец-то она лишится общества этого кудрявого бесенка!

– Таня! Ты уже здесь!

Та улыбнулась, закинув ногу на ногу.

– Моешься сто лет! Давай одевайся!

– Да, котик, поживее, вам уже идти пора. – На самом деле, Валентина Ивановна торопила Алёну ради собственных

интересов.

Алёна и не задержалась в комнате. К счастью, она не любила крутиться подолгу возле зеркала, перебирая разные образы и капризно отвергая каждый. А еще она пренебрегала косметикой, что значительно расширяло ее время на сборы куда угодно.

Выбор ее пал на бледно-голубые джинсы, порванные на коленках, и клетчатую красную рубашку. Волосы, как всегда, она оставляла распущенными.

Когда Алёна едва показалась на кухне, Валентина Ивановна выпалила:

– Ну все, удачи вам, красавицы! Бегите!

Когда девушки уже вышли на улицу, Таня схватила Алёну за руку.

– Ты знаешь, чья это тачка стоит около дома баб Вали? Конечно, знаешь! Это к ней Федор приехал! Не, ну ты видела? Я такую машину только по телевизору вижу и когда в город с отцом выезжаем. Вот это да! Он, наверняка, бизнесмен какой-нибудь! Вот это да! Ну и ну!

Алёна улыбалась подруге, но ничего не говорила. Не хотелось обрушивать на нее еще одну новость о том, что Фёдор оказался тем самым загадочным брюнетом, которого они встретили на пруду. Впрочем, она скоро и сама узнает.

В «сельском доме культуры» (фактически так назывался клуб) собралась вся молодежь. Также было несколько представителей старшего поколения – «старички», как их назы-

вали в младших кругах, те, кому недавно перевалило за двадцать пять. Страшный возраст для шестнадцатилетних и, в то же время, как им самим кажется, такой недостижимый. К ним относились с насмешливым уважением – старше нас, но уже не круче.

Сам клуб держался еще с семидесятых годов, и с тех самых пор его перекрашивали в самые разные цвета каждые пять лет. Очередная модернизация пала и на этот год. Правда, к покраске еще не приступили. И, сдавалось некоторым жителям, традиция так и оборвется.

Пока что на нем уже облупилась розоватая краска – по мнению большинства, придающая зданию отвратительный облик.

Когда Алёна и Таня подошли к клубу, музыка уже сотрясала не только его бетонные стены, но и асфальт, выложенный полукругом возле ступеней.

Так как погода была комфортной (как раз с наступлением темноты воздух становился свежим), все собравшиеся находились на улице. Обычно внутрь заходили тогда, когда становилось прохладно (ну или когда хотелось подкрепиться алкоголем).

На широком крыльце стояла компания из пяти человек, среди которых был и Вадим. Он сразу же заметил Алёну, но не изменился в поведении никак. Разве что женственные губы расплылись в улыбке и больше не меняли форму.

Алёна и Таня подошли к ним. Там ее поприветствовали те

ребята, которых она еще не видела. Разрослась беседа. Постепенно расширялся и круг людей.

– В городе клубы, наверное, получше, а, Алён? – С колкой иронией спросила одна девушка с пухлыми, четко очерченными, губами и маленькими глазками-бусинками. Кто-то поддержал ее смешком, а кто-то недовольным цоканьем.

Алёна пожала плечами. Она знала, что ее пытаются несправедливо укорить просто за то, что она горожанка. И это было неудивительно принимать от такой ехидной особы, как Ангелина.

– Не знаю, не была ни в одном.

– По крайней мере, там не пахнет коровьим дерьмом, – она изящно отбросила прямые платиновые волосы через плечо, а издёвку вновь приняли как удачную шутку.

– Я не знаю, чем здесь дышишь *ты*, Ангелин, – спокойно парировала Алёна, сунув руки в задние карманы джинсов, – но я пока дышу цветами и ягодами.

Когда в окружении почувствовали накал ссоры, обеих девушек начали по-своему усмирять.

Алёну сложно было назвать конфликтным человеком. Когда дело доходило до спора, она старалась капитулировать как можно быстрее, не испытывая ни малейшего желания трепать свои нервы зря.

К облегчению Алёны, когда она заметила, что Ангелина вся напряжинилась и приготовилась к атаке, неожиданно внимание компании было привлечено чьим-то визгом.

– Кого это так встречают?

Вокруг одной персоны столпились люди, преимущественно те самые «старички» и те, что равнялись на них.

– Кто-то, видимо, приехал в село. – Предположил один.

– Видать, известная личность, – посмеялся другой.

И тут ахнула Таня.

– Так ведь это, должно быть, Фёдор, сын баб Вали!

– Фёдор в село приехал?! – Воскликнул один парень, знавший его с самого детства.

– Лет десять его не было здесь! – Подхватил кто-то.

– Ну, пойдёмте поздороваемся!

И все кинулись к кольцу людей, образовавшемуся вокруг Фёдора. На месте осталась Алёна.

– Ты чего стоишь? – Удивилась Таня, уже спустившаяся с крыльца.

– Да я... как-то...

– Да пошли!

Конечно, Алёна не присоединилась к остальным, а осталась в стороне. Она просто ждала, когда все угомонятся и начнут танцевать, а не улаживать своим вниманием Фёдора. Но удержаться и не посмотреть на него, хотя бы мельком, она не смогла.

Как ей было приятно осознавать, что он, несмотря на славу среди жителей, не был честолюбивым. Улыбаясь каждому, кто стоял рядом и говорил с ним, он все же держался просто и легко, как будто зарабатывал на хлеб так же, как отец вон

того парня, сыплющего на него вопросы о жизни в большом городе, то есть, на тракторе в полях с раннего утра до позднего вечера, или как будто пользовался автобусом, чтобы добраться до города за продуктами, редко появляющимися в сельском магазине. Ей нравилось, что несмотря на успех, которого он смог добиться, он оставался тем же шестнадцатилетним мальчишкой с дедушкиным полароидом, любившем лазить по деревьям, собирать грибы с матерью и гонять в мяч с друзьями, пока ноги не устанут так, что трудно ходить. Он стоял прямо и твердо, пряча руки в карманы джинсов и сопровождая свою ровную неспешную речь жестами. Трудно было не восхищаться таким человеком и не брать с него пример.

Знала Алёна его историю совсем поверхностно. Валентина Ивановна, конечно, всем делилась с ней, да и говорила лишь о сыне, пока тот был недостижимым для нее. В восемнадцать лет он поступил в университет, и, окончив его, он пошел на риск и уехал в Москву со своим одноклассником, где им, конечно, поначалу было невыносимо трудно, но, к счастью, их трудолюбие, целеустремленность и вера в себя помогла им исполнить мечту и открыть собственный бар. Еще ни одному уроженцу села *Ш.* не удавалось ничего подобного. Поэтому Фёдор теперь – единственный объект восхищения каждого второго дома здесь.

– Может, танцевать уже пойдем? – Зевнул Фёдор, наконец, когда ему надоело быть так долго в центре пристального

внимания. Его, конечно, поддержали.

Круг людей рассыпался, разделился на маленькие группы. Алёна пыталась отыскать глазами в темноте Таню, куда-то запропастившуюся.

Когда она, обхватив локти руками, стояла лицом к клубу и разглядывала силуэты танцующих людей, кто-то положил руки на ее плечи. Она вздрогнула и обернулась.

– Потерялась? – Улыбался Фёдор.

– Нет, – сорванным голосом ответила Алёна.

– Значит, потеряла кого-то? – Он наклонил голову к плечу.

Алёна, заведя руки за спину, сказала:

– Подругу жду.

– Я понял. Какая громкая музыка! – Он засмеялся, как будто в этом было что-то веселое. – Давай-ка отойдем, нужно что-то сказать.

Сердце у нее гулко забилося от этих, по сути, ничего не значащих и не сулящих уж точно слов. Отошли они на пару метров, и Фёдор, положив руку на ее право плечо, склонился к ее левому уху так близко, что едва ли не касался его губами, и сказал:

– Матушка просила передать, что завтра вы идете вместе на базар, так что, не задерживайся. Но можешь быть здесь сколько хочешь, просто тяжело будет вставать утром. – Он посмотрел на нее и подмигнул.

– А утром, это во сколько?

Фёдор убрал руку и пожал плечами, устремив взгляд куда-то в сторону.

– Это во сколько заблагорассудится петуху.

Алёна нахмурилась, не совсем поняв смысл его слов, но Фёдор, видимо, заметив кого-то, поспешил проститься с ней.

– Ищи скорее свою подружку. Может, еще увидимся, – и он, откланявшись, ушел.

Алёна смотрела ему вслед до тех пор, пока он не настиг своего друга, Теклеева. Вместе они зашли в клуб. Через минуту, не успела Алёна отойти от возбужденного состояния, на нее едва ли не запрыгнула Таня, появившаяся так же мистически, как и исчезнувшая.

– Где ты была, Таня! – Возмутилась Алёна.

– Да я с Димкой болтала. Представляешь, Кристина опять его бросила!

Алёна закатила глаза.

– Не понимаю вообще, о ком ты.

– Ой, сейчас расскажу!

– Нет, Тань, давай лучше танцевать. Устала я от болтовни.

Когда всем надоело танцевать на открытом воздухе, забрались вовнутрь. В кабинете директора клуба, которого, конечно, на месте во время дискотеки не было, обычно собирались желающие выпить и поиграть в какие-нибудь игры или же просто поговорить. Но не все имели доступ к кабинету. Люди, которые собирались там, именовались «элитой».

Таня всеми силами пыталась пробраться туда, но редко выпадал случай, когда ей открывался вход в кабинет.

– Да зачем оно тебе? – Ответила ей Алёна, когда подруга и в этот раз загорелась непонятым Алёне желанием.

– Там вся крутизна собирается! Это же какой престиж!

– Престиж?! – Брови Алёны изогнулись. – Дышать сигаретным дымом, пить пиво и слушать какую-то ахинею? Тань, давай танцевать и не думать о таких глупостях.

– Не будь ты занудой! О, Фёдор там, конечно! Кто бы сомневался, – и она, обиженно надув губы, скрестила руки на груди.

Алёна сочувственно улыбнулась. Она знала, как это было важно для тщеславной Тани – гореть в пылу популярности, какой бы они ни была. Алёне это казалось нелепым, а для Тани – драгоценным. И дело не в том, что это хорошо или плохо, а в том, как это воспринимается тем или иным человеком.

По традиции, дискотека завершалась парой-тройкой медляков. Алёна, опасавшаяся стать мишенью для Вадима, уже начала искать укромный уголок, где бы он не смог ее достать. Однако она не успела спрятаться, и на первый раз все же согласилась.

Конечно, он попытался добавить в танец хоть какую-то каплю интима и романтики, но получилось плохо – в глаза ему Алёна не смотрела, руки с бедер убирала, а на ласковые словечки зевала.

– Уже нашла кого-нибудь у себя там, в городе?

– В смысле?

– Ну, не притворяйся.

Алёна вздохнула. На нетактичный вопрос она решила ответить тем же тоном:

– Ищут потерянные ключи, а у меня всё есть.

Вадим усмехнулся, хотя и не понял метафоры.

– Так, значит...

– Это значит, – она отпрянула от него, – что музыка кончилась. Спасибо за танец.

Уязвленный, Вадим все же отступил в поисках другой партнерши, более отзывчивой, чем Алёна. На самом деле, танцевать ему особо не хотелось, но заставить девушку ревновать – безумно.

Алёна лишь безнадежно качала головой, наблюдая за ним и за какой-то обезумевшей от счастья девчонкой. Только позже, приглядевшись к его жертве хорошенько, она поняла, что это Таня. Она рассмеялась, зная, что музыка, пусть и менее громкая, заглушит ее смех.

И вдруг неожиданно чьи-то руки легли ей на плечи. Алёна, догадавшись, кому они принадлежали, инстинктивно содрогнулась, не решаясь обернуться.

– Не подарите мне танец, принцесса?

Алёна посмотрела на мужчину через плечо, затем повернулась полностью, отвечая на ироничный вопрос искренней улыбкой. Да и зачем бороться с собой?

Он был намного выше нее, и, чтобы смотреть ему в глаза, ей приходилось слегка откидывать голову назад. Только в темноте она могла смотреть на него.

– Не устала еще? Спать не хочешь?

Она отрицательно покачала головой.

– А я хочу. Но я-то старый, объяснимо.

Алёна скривила гримасу.

– Ты не старый.

Фёдор рассмеялся.

– Ну, раз обращаешься на «ты», значит, еще и правда молодой. А я тебя видел последний раз, кажется, лет девять назад, – или больше? – когда вы с родителями приезжали к матери за урожаем.

– Да...

– Мы с тобой в прятки еще успели поиграть, – он посмеялся, – я помню.

Перед глазами Алёны сразу предстала картина из детства, расплывчатая и неясная, но все же она коренилась в ее памяти прочно. Может, потому, что на ней присутствовал образ Фёдора, тогда еще совсем юного?

Ей нравилось чувствовать его руку на своей талии, ощущать теплоту его ладони, в которой покоилась ее ладонь, нравилось, что он держался от нее на приличном расстоянии, и все же достаточно рядом, чтобы можно было вдыхать его аромат – терпкий, мускусный, словом, мужской.

Едва она успела насладиться его близостью, как вдруг раз-

дался грохот из кабинета. Потом поднялся женский пронзительный крик, затем мужская грубая брань.

Драка.

Все бросились на шум, кроме Алёны и Фёдора.

– Лучше уйдем отсюда. – Сказал он ей. – Я знаю, чем это все кончается.

– Но там где-то Таня!

– Она тебе не дочь. Пошли.

– Нет, надо забрать и ее.

– Это не садик, а ты ей не мать, – настаивал он спокойно (музыка, естественно, прекратилась). – Сейчас ты не понимаешь, но в будущем этот совет тебе пригодится: «Ты сама себе и мать, и дочь».

В конце концов, Алёна подчинилась. Они покинули клуб, а по дороге домой встретили несущуюся в сторону пункта разгоревшейся потасовки милицейскую машину.

– Вот видишь, – вздохнул Фёдор, украдкой взглянув ей вслед.

Алёна, переполнившаяся волнением, остановилась.

– А что, если Таня так и не ушла?

– Она наверняка не ушла, – кивнул Фёдор, не желавший успокаивать Алёну ложью, в которую сам не верил.

– У нее могут быть проблемы.

– Да, – и это подтвердил мужчина, – но они не твои. Пойдем домой.

– Но...

– Матушка будет переживать. Ты этого хочешь или вернуться в клуб за Таней?

Алёна поджала губы, смиренно опустив голову, и засемила за Фёдором, идущим широким шагом.

Ночь была тихая, безветренная и безоблачная: небо было усыпано мерцающими звездами, единственными светилами этой ночи. Трудно было идти по невидимой земле с выбоинами, камнями и прочими неровностями. Близорукая Алёна боялась упасть, особенно потому, что ей не хотелось унизиться перед Фёдором, идущим так легко и свободно, как будто был зорким котом.

Вокруг пели сверчки, издавая уютные трели. Пахло полынью и медом от луговых трав и цветов.

Погрузившись в собственные мысли, Алён не заметила, как отстал Фёдор. Обернувшись, она увидела, как он стоял, закинув голову назад, и смотрел на него.

– Что там? – И она невольно посмотрела вверх.

– Там? – Откликнулся Фёдор. – Красота.

Мириады звезд, мерцающих, казалось, разными цветами: серебристым, голубым и даже золотым. Небо было похоже на необъятную искрящую паутину.

– Видишь что-нибудь? – Спросил Фёдор.

Алёна сразу же разглядела созвездие «Малой Медведицы». Она так и сказала.

– Это же слишком просто, – он посмеялся. – Иди-ка ко мне, сейчас покажу тебе что-то поинтереснее.

Она подошла к нему, и Фёдор указал рукой на небо.

– Видишь? – Он сделал непонятные ей движения. – Это

Кассиопея.

Алёна сердито нахмурилась.

– Видишь? – Допытывал он.

– Да.

– И что?

– Звезды. Я вижу звезды.

– Ох, – недовольно выдохнул он и мягко взял ее руку, поднимая ее и управляя ею так, чтобы она смогла разглядеть фигуру, которую он рисовал в воздухе. – Напоминает букву «W». Видишь?

Когда она, наконец, обнаружила это созвездие, радостный смех вырвался из ее груди. Смутившись, она отступила от него и пробормотала:

– Идем-м..., – едва ли не выговорив «идемТЕ», она осеклась, – ... дальше.

Он не стал настаивать. Во всяком случае, придя домой, он сможет продолжить свои наблюдения. А вот девочке уже пора спать – вряд ли ей удастся проснуться на рассвете, если они задержатся.

Им осталось завернуть за магазин и перейти дорогу.

– И долго ты вот так к матушке приезжаешь? – Спросил он.

Алёна немного подумала.

– Три года.

– Каждое лето приезжаешь?

– Да.

– Нравится тебе здесь?

– Конечно.

– И на какой срок?

Алёна пожала плечами.

– По-разному. В прошлый раз оставалась на полтора месяца.

– Ничего себе, – сказал он просто. – В любом случае, ты очень помогаешь ей. Спасибо. Мне бы хотелось приезжать к ней каждое лето, но я боюсь, что другой такой отпуск я смогу себе позволить еще не скоро.

– Но почему? – Недоумевала девушка.

Федор вздохнул. Когда они подошли к дому, он остановился и посмотрел на нее. Холодный свет фонаря освещал его лицо.

– Понимаешь, – он сунул руки в карманы и покачал головой, пытаясь подобрать слова, – есть люди, которые работают на дядю. Этот дядя ежемесячно платит им зарплату, два раза в год позволяет отпуск. В общем, их жизнь тесным образом связана с этим самым дядей. Так вот, у меня этот дядя – я. А я слишком строгий и суровый начальник, поэтому не поощряю отдых.

– Но... – Обдумав его слова, заговорила Алёна. – Как же так жить? Ведь можно сойти с ума с такой загруженностью.

– Возможно. Но я пока в разуме.

– Но Валентина Ивановна, – продолжала Алёна, – она ведь не железная.

– Что ты имеешь в виду? – Озадачился он.

Ей не хотелось быть прямолинейной, да и сама она еще не понимала точно, о чем думала. Ясен был только страх, навеваемый этой смутной мыслью, страх, который обнимает своими ледяными цепкими руками и сдерживает так крепко, что никуда не деться. Это состояние время от времени появлялось в ее теле с того времени, когда они с Валентиной Ивановной обсуждали Фёдора на крыльце.

– Ей бы хотелось, чтобы вы... ты, – осеклась она, – бывал у нее чаще. Она скучает.

– И я, – он развел руками, – но она, к счастью, все понимает. И причины, по которым мы так редко видимся, действительно весомы. Проходи, – он открыл дверь, и она вошла во двор.

– Если ты когда-нибудь решишь воздвигать собственное дело, – продолжал он шепотом, когда они вошли в дом, – ты поймешь меня. Достижение цели во многом зависит от того, чем ты готова пожертвовать ради нее. И даже если в этот список будет входить свободное время, включая полноценный сон, впоследствии результат оправдает и это.

Никто из них не знал, сколько сейчас было времени. Валентина Ивановна специально оставила в коридоре включенным свет, чтобы Фёдор и Алёна спокойно могли пройти в свои комнаты. Перед тем, как расстаться, Фёдор улыбнулся.

ся:

– Надеюсь, ты не будешь думать над моими словами всерьез. Это тяжелая взрослая жизнь, а ты пока еще маленькая. Вот тебе совет на ночь: «Держи свою голову чистой как можно дольше». – Он наклонился к ней и негодуя покачал головой. – Но ты, кажется, уже запустила туда сор в виде гнетущих мыслей. Ты обречена.

– К-как... с чего ты...

– У тебя слишком серьезный вид. Расслабься, Шапочка. Доброй ночи.

Он закрыл за собой дверь.

Алёна тихонько прошла через гостиную, в которой спала (храпела) Валентина Ивановна, и уединилась, наконец, в своей спальне.

Переодевшись, она не легла в кровать, но запрыгнула на низкий подоконник и открыла окно, запуская благоуханье цветов и трав внутрь.

«А ты пока еще маленькая».

Эти слова задели Алёну. Почему же? Не потому ли, что ей хотелось казаться в глазах Фёдора достаточно взрослой? Но зачем? Зачем достаточно взрослой?

Эти вопросы кружили в ее голове, требуя ответа, но так и не получая его. Эти вопросы разгневались и лишили ее сна.

Вспоминая череду событий, произошедшую за сегодняшний день, Алёна невольно останавливала свое воображение на Фёдоре, которое специально усиливало все его явные до-

стоинства. Сердце ее млело, на губах дрожала улыбка.
Что же она чувствует? И почему?

3

«Молния?» – первое, что пришло Алёне в голову, когда сквозь закрытые веки она почувствовала вспышку света. Затем щёлканье... и запах, как у печатной краски...

Глаза Алёна открыла, когда услышала за окном горластого петуха, извещающего все население о наступлении долгожданного утра. Девушка не сразу разглядела перед собой склонившегося Фёдора с фотоаппаратом в руках. Он помахал ей маленькой фотографией и улыбнулся, обнажая свои ровные белоснежные зубы.

– О Боже! – Вскричала Алёна, натягивая на себя одеяло и как можно сильнее упираясь в подушки. – Что ты здесь делаешь!

– Пришел будить тебя, – и он сделал еще одну фотографию, которая тут же вылезла из серого полароида. – Петух кричит, разве не слышишь? Тебя зовёт.

– Но он запел только сейчас, а ты здесь был еще *до* этого!

– Откуда тебе знать? – Он передернул плечами. – Ведь ты спала.

Алёна, порывисто дыша, окинула его взглядом. Он был одет в помятую бежевую футболку и шорты. Душой он, кажется, так и остался в том возрасте, когда они впервые встретились. И все же перед ней стоял молодой мужчина, уже давным-давно не юнец, что сидел тогда на могучей ветке дуба.

И это не могло ее не смущать.

– Ты напугал меня, – тихо сказала она, сев в кровати и придерживая одеяло (на ней была лишь цветастая сорочка с тонкими лямками и, как ей самой казалось, слишком откровенным вырезом).

– Ну извини, – пролепетал он. – Одевайся, матушка уже всю трубит на кухне. Какая ж ты соня.

И, перед тем как выйти, он положил фотографии на тумбочку, стоящую возле двери.

Алёна закрыла лицо руками и вдруг рассмеялась.

Какая нелепица!

Спрыгнув с кровати, она первым делом подошла к тумбочке, чтобы взглянуть на фотографии. На одной она лежала, закинув руки над головой, на правом боку. Волосы ее были разбросаны на подушках и лице, а рот был слегка приоткрыт. Алёна прикусила губу, вслух выругавшись. Подлость – с его стороны, стыд – с ее.

– Как же хорошо, – прошептала Алёна, – что я не разговариваю во сне.

Тогда бы она лучше отрезала себе руку, чем еще хоть раз посмотрела ему в глаза.

Одевшись в черные домашние шорты, которые Алёна носила только летом, приезжая к Валентине Ивановне, и ши-

рокую белую футболку, Алёна заплела тугую косу перед зеркалом, неосознанно кривляясь и позируя. Когда ее изображение уносилось намного дальше реальности и касалось чего-то запредельного, чудесного, она впадала в оцепенение и могла находиться в таком состоянии сравнительно долго.

Сегодня было иначе.

Теперь она рассматривала свое отражение более придирчиво, иногда критически качая головой и цокая. Дух Федора, его голос, смех, все его существо еще, казалось, витало в воздухе, вокруг нее и выводило ее из себя. Ей нужно было выходить из комнаты, но она не могла: коленки дрожали, как осиновые листья, и как ими передвигать?!

Когда же она осмелилась и вышла, в нос ей ударил запах свежей выпечки и душистых трав. Постепенно доносились и голоса из кухни...

– ... А где ж ты его нашел, сынок?

– На чердаке, матушка, где ж еще. Стой, вот здесь пригорит сейчас...

– Какой внимательный, – и грудной смех.

Алёна заглянула на кухню, и первым ее заметил Федор: на шее его висел все тот же полароид. Жуя мяту и сверля глазами Алёну, он говорил:

– А вот и ваша Соня проснулась, матушка. И кого же вы себе в помощницы нарекли? Она же все дела проспит.

Валентина Ивановна шлепнула его кухонным полотенцем и оставила на плече отпечаток мухи.

– Не слушай его, детка! – Добродушно обратилась она к Алёне и кивком пригласила ее сесть. – Сейчас позавтракаем быстренько, и в путь. Я блины испекла. Федя, достань варенье из погреба, я забыла.

Погреб, в котором женщина хранила все консервы, находился тут же, на кухне, стоило только открыть в полу дверь и спуститься в эту холодную пещерку. Когда Фёдор исчез в бездне, Валентина Ивановна принялась раскладывать по тарелкам пышные, усыпанные дырочками, блины по тарелкам и посыпать их сахаром.

– Не выспалась, Алён? – Озабоченно спросила она, усаживаясь рядом.

– Выспалась, конечно, – она попыталась улыбнуться, хотя и не знала, какими черными были круги под ее глазами.

– А погуляла как?

– Прекрасно.

– Фёдор вчера тоже в клуб ходил. Вы виделись?

Алёна кивнула, с трудом жуя блины и запивая их сладким травяным чаем.

Через минуту показался Фёдор с пыльной банкой бурого цвета.

– Не знаю, вроде, яблочное. Пойдет?

Валентина Ивановна прищурилась и подалась вперед, разглядывая банку, а затем махнула рукой.

– Грушевое. Ставь, конечно. Все пойдет.

Они открыли банку, выпуская приторный терпкий запах

на волю, раздражая обоняние и аппетит.

– Будешь? – Спросила Валентина сына.

Тот тряхнул головой.

– Рано еще есть: солнце само только встало. Надолго вы на базар?

– Как все продадим. Скорее, до обеда.

– Обед-то он разный бывает, – Фёдор достал ложку и, макнув ее в банку, облизнул вязкую жидкость, – сладкое, жуть! – Состроив гримасу, он положил ложку в раковину.

Алёна же, все время молчаливая, теперь вообще не касалась еды – присутствие Фёдора напрягало все ее нервы. Она даже чай пить старалась беззвучно!

– Авось к трем вернемся. – Валентина Ивановна вытерла губы тыльной стороной ладони. – Алён, не забудь платок взять: там пекло ужасное будет уже часов в десять, как бы тебя солнечный удар не тяпнул.

– Ничего, – отозвался Фёдор вкрадчиво, – вы ее донесете, уж полегче вашей Бурёнки будет.

– Во-первых, Марфуши, а во-вторых, Фёдор! – Она игриво стукнула кулаком по столу.

– Идёмте? – Кротко спросила Алёна, отодвигая тарелку.

– Идем, идем.

Они вышли на крыльцо, где уже стояло четыре крупных ведра и одно поменьше, со смородиной. Все ведра были укрыты платками.

– Я возьму ведра с помидорами и кабачками, а ты бери

остальные, с перцами и огурцами. А к маленькому сейчас привяжем веревку и на грудь повесим, так удобно.

После всех манипуляций они были готовы идти в путь. На часах было шесть утра, солнце еще не высоко поднялось над домами и грело приятно, не сильно и пока еще не слепило.

Фёдор вышел их провожать. Алёна старалась не смотреть на него каждые пять секунд, но было сложно: он был тем исключением в мире людей, которому удавалось выглядеть по утрам особенно красивым и свежим.

– Федь, ну а ты тут уж как-нибудь, ладно?

– Уж как-нибудь, ладно, – парировал он, кивая.

– Тьфу ты, – Валентина махнула рукой, взяла ведра и, кивнув Алёне, чтобы та сделала то же самое, спустилась с крыльца.

– Не поломайся, – Фёдор подмигнул Алёне и зашел в дом. Чувствуя необъяснимую обиду, Алёна отправилась вслед за Валентиной, пытаясь понять, почему ее эти слова так задело.

На окраине села когда-то давно (может, с самого первого дня его основания) образовался «базар» около трассы. Именно здесь старушки (и кто помоложе) торговали всем своим добром: как правило, урожаем. Утро было не самым благоприятным временем, в отличие от обеда: намного больше людей едут из города, и, следовательно, у «продавцов»

было больше потенциальных покупателей.

Украшали товар как могли: если овощи, то самые красивые клали сверху, намывали их до блеска, отчищали от всяких недостатков, даже насекомым не позволяли на них садиться; с фруктами и ягодами было то же самое. Крупную роль, как везде и всегда, играла реклама: ставили таблички, писали яркими красками очень крупным шрифтом. «Клубника-ГИГАНТ», «Яблоки-румяные-сладкие-медовые», «Кабачки ИМПОРТНЫЕ», «ВЫРАЩЕНО С ЛЮБОВЬЮ» и проч.

Ну а «открывался» базар по разным причинам: первая это, конечно, подготовка. Ну а вторая, и самая главная, – занять наиболее удачные места.

Валентина Ивановна считалась одним из первооткрывателей базара, и по праву занимала самое лучшее, если так можно сказать, престижное место: под огромным вековым вязом, прикрывающим торговцев от солнца. Оно стояло поодаль от дороги, но это не значило, что и товар должен находиться там, за обочиной. Отнюдь – у товара было свое место, и оно было самым выгодным, наиболее привлекающим внимание проезжающих мимо покупателей.

Торговцев было не так много, но это не ослабляло конкуренцию. Считалось, что у Валентины Ивановны самый лучший урожай, и, соответственно, она имела больше шансов распродать если не весь товар, то хотя бы половину. А ей удавалось покидать базар с пустыми ведрами. Иногда и без

ведер – на продажу можно пойти и на такие жертвы. А ведер у Валентины Ивановны много, и будет еще больше.

Сама она, будучи тщеславной, но справедливой и честной, женщиной, разделяла мнение большинства о своем статусе. Однако всегда учитывала возможные неудачи, промахи, поражения. С этим она справлялась спокойно, и пена ярости и зависти никогда не выступала на уголках ее губ. Если покупатель (редкое явление для Валентины Ивановны, следует заметить) по какой-то причине переходил от нее к другому продавцу, ее это не сильно задевало. Вместо того, чтобы переживать и проклинать конкурента, она размышляла над тем, как повысить спрос на свои продукты. И ей, такому рациональному стратегу, всегда удавалось подняться с колен.

Нельзя сказать, что Валентину Ивановну ненавидели, как непобедимого конкурента. Но уважали, как достойного соперника. Возможно, остальных это в какой-то степени мотивировало ухаживать за своим огородом еще усерднее?

Алёна выступала в роли помощницы Валентины сегодня не в первый раз. Это был третий год, когда она сидела под вязом. И для нее это никогда не было в тягость. Даже под палящим солнцем, дыша раскаленным воздухом, спирающим грудь, она стойко выдерживала почти весь день и никогда не жаловалась.

И на выручку Валентины Ивановны, как на долю (и компенсацию), никогда не претендовала.

Итак, они пришли.

Как обычно, первыми.

– Давай, Алёнка, расставляй, – скомандовала Валентина, опустив ведра на каменистую землю. Выполнив приказ, Алёна сняла с пояса платок и затянула на голове: солнце накалялось.

Спустя несколько минут на горизонте показались две фигуры: одна тучная, другая поменьше. Зоркая Валентина Ивановна, подставив руку ко лбу так, чтобы солнечные лучи не слепили, прищурилась.

– Идет, идет, идет, – и зацокала языком, шепотом выговаривая какую-то брань.

Алёна же, разглядев фигуры, подалась вперед.

– Таня! – Вырвалось у нее, когда те перешли дорогу и приблизились к ним.

Девчонка, одетая в короткий розовый топ и цветастую юбочку, подбежала к ней.

– Соскучилась?

– Я волновалась! Вчера была драка в клубе?

– Ой, да так, обычная потасовка. Вадим все разрешил, – Таня подмигнула ей.

Алёна закатил глаза.

– Странно, что не он завязал все это!

– Да ну тебя. Ты с ним несправедлива. Не могу понять, почему ты так к нему относишься. Вадим – Бог!

Алёна сочувствующе улыбнулась. Именно так. Ведь она понимала, чем вызвано это слепое поклонение подруги на-

званному божеству.

«Ах, если влюбленные все такие безрассудные, пожалуйста, хоть бы этого со мной не случилось», – подумала Алёна, взглядываясь в сторону, откуда показалась первая машина.

На фоне разговора подруг столкнулись два конкурента – Валентина Ивановна и Галина Александровна, бабушка Тани. По годам они были почти равны, но обе уже давно потеряли счет времени, и считали себя ровесницами, но не во всех отношениях. Каждая считала себя лучше другой, и каждая была готова доказать это любыми способами. Похоже, для Валентины Ивановны Галина Александровна представляла единственное исключение – победу этого конкурента она не могла принять. И с каких пор началось это соперничество, они сами не знали. Но обоим казалось, что так было всегда, с того самого момента, когда они увидели друг друга.

Алёна всегда замечала это напряжение между ними, видела, как плавился воздух вокруг них, когда им приходилось сталкиваться друг с другом. Она пыталась это объяснить самой себе, но спросить об этом у Валентины Ивановны прямо у нее не хватало наглости.

Впрочем, чувства, которые связывали этих двух женщин, были известные если не каждому жителю села Ш., то большинству уж точно.

– Что на сегодня, Иванна? – Сиплым голосом спросила Галина Александровна, уже издали заметившая, с чем при-

шла ее соперница.

– На сегодня все самое лучшее, голубушка, впрочем, как обычно, – улыбнулась Валентина Ивановна, уперев руки в бока. Смотрела она на Галину Александровну, вызывающе вздернув точеный подбородок, ибо та была выше нее на голову точно.

– Не сомневаюсь, кумушка! – И та расхохоталась, сверкнув золотым зубом.

Алёна и Таня не обращали на них внимания. Они болтали о чем-то своем, не забывая и о «работе». Когда те только завели очередной разговор, Галину Александровна потянула внучку за руку и увела в сторону, там, где они и остановились.

– Ты что с ней заболталась? Ну-ка, клиентов завлекай! Для чего вырядилась, как бабочка, а?!

– Бабуль! – Таня топнула ногой, обиженно надула губы и сложила руки на груди, однако не стала более возражать: непокорность обходилась ей слишком дорого, и свой первый урок она учла надолго.

Алёна с недоумением смотрела на них, пока к ней не подошла Валентина Ивановна.

– Не отвлекайся, дочка, – шепнула она ей, потрепала по плечу и ушла в тень.

Шло время.

Жарче становилось с каждым часом.

Базар пополнялся, но не сильно.

С прибылью сегодня, пока что, не у всех было гладко. Даже у Валентины Ивановны торговля шла не лучше всех. И ее это раздражало.

В перерывах Алёна и Таня встречались, поедая фрукты и отмахивая друг от друга докучливых пчел и ос.

– Каждый раз задаюсь вопросом, – жуя персик, говорила Таня, – какого черта мы-то сюда ходим, а? Могли бы сейчас и на пруд сходить! Или там, ну, дома посидеть. Боже, да много чего могли бы! А в итоге что? Плавимся, как угольки, под солнцем. Жаровня! Дышать не могу, все течет по телу, ненавижу все это.

– Угомонись, – тихо сказала Алёна, улыбаясь. – Мне тоже дышать трудно, но молчу же.

– Слушай, надо устроить забастовку!

Алёна рассмеялась.

– Революцию, еще скажи! Сиди спокойно и ешь персики. Сейчас, может, еще посидим и пойдем.

– Да тут скучно невероятно! Ничего не происходит. Ходим, зазываем кого-то, как...

Алёна осадил ее взглядом.

– Ну, хватит тебе уже. А чего ты тут хочешь? Чтобы неожиданно над нами пролетели драконы? Или что?

– Блин, да... – Таня скорчила гримасу. – Да тут столько городских, наверное, проехало, и ни один не вышел познакомиться!

Алёна, помолчав, расхохоталась, бросая косточку от персика в сторону.

– Ах, Танька, ну ты и...

– Ну а что? – Она смущенно улыбнулась. – Тебе самой не хочется, а, пофлиртовать с кем-нибудь? Ой, так ты ж сама городская!

– Да на кой мне это все? – Алёна толкнула ее в плечо, продолжая смеяться. – Лучше бы подумала, какие экзамены сдавать будешь.

– Зануда какая, – прошептала Таня, но нарочито громко, чтобы подруга услышала.

– Жди, – Алёна махнула рукой, – сейчас появится твой принц на коне!

– На «БМВ», – Таня игриво подмигнула ей.

– Ага, – кивнула Алёна, – на таком, на красивом, на Вазе.

Таня толкнула ее обеими руками, а та, повалившись на землю, захохотала еще громче. Платок она сняла, а волосы распустила, так что теперь опавшие сухие листики запутались в них, пока она лежала на траве.

– Все хохочут и хохочут, – всплескивала руками Галина Александровна.

– Так а что делать-то, бабуль? – Крикнула ей Таня; та сидела впереди них.

– Дело! – Не найдя иных слов, ответила та. Валентина Ивановна усмехнулась.

– Дело им подавай, – пробубнила Таня недовольно, вста-

вая с колен и отряхивая их. – Ну-к, Алёнка, давай вставай!

– Что? – Та приподнялась на локтях.

– Дело делать будем!

И она, подняв ее за руки, потащила ее к обочине, где стоял товар. Когда Таня начала танцевать, Алёну вновь атаковал смех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.